

MASTER**DETECTIVE**

АНДЕРС ДЕ ЛА МОТТ КОНЕЦ ЛЕТА

Перевод с шведского

Елены Тепляшиной

издательство **АСТ**

Москва

Глава 1

Она — человек осени, она всегда была человеком осени. Почти всегда. Когда-то ей хотелось, чтобы лето никогда не кончалось. Чтобы свет, тепло и высокое синее небо — навсегда. Как же давно это было. В другом месте, в другой жизни.

Настенные часы показывали, что до начала встречи одиннадцать минут. До сих пор все шло хорошо. Они с Руудом намазали булочки маслом и разлили кофе по термосам. Аккуратным кругом расставили стулья на сером ковровине. Двенадцать металлических облезлых складных стульев — наверное, больше, чем надо, но зато в круге не было зияющих пустот... И еще положили на каждый стул по упаковке дешевых бумажных платочков.

Когда все было готово, Рууд отпер двойные двери, отделявшие зал от прихожей. Впустил двух участников, которые пришли раньше прочих, а вместе с ними — запах дождя и разогретого асфальта. Из всех городских запахов этот она любила больше

всего. Может быть, потому, что в нем было что-то очищающее. Обещание начать все сначала. Совсем как сегодня.

Первым из тех, кого впустил Рууд, оказался мужчина между тридцатью и сорока, ее ровесник. Руки покрыты татуировками, мягкая одежда; голова кажется слишком крупной для тела. Наверное, из-за бороды. Неопрятная борода закрывает пол-лица, над ней — усталые глаза в красных кругах, в этом он сегодня точно будет не одинок.

Второй вошла немолодая седая женщина, почти ровесница Рууда. Волосы заплетены в косу, лежащую на спине. Глаза за стеклами очков приветливее, чем у татуированного бородача, и все же в их взглядах угадывается что-то родственное.

Рууд пригласил участников к кофейному столику, и она уже собралась было представиться, когда на нее накатило. Чувство, что она совершила огромную ошибку и что все скопом, все, все, пойдет наперекосяк.

Проклятье!

Она убежала на кухню, успела упасть на стул за секунду до того, как подогнулись ноги. Закрывать лицо руками, голову — между колен, глубокие, медленные вдохи и выдохи.

Вдох

Выдох

Вдооох

Выыыдох

Обрывки светской болтовни Рууда просачивались через маятниковые двери. Извивались у нее в мозгу, стучали в такт пульсу в висках.

— Добирались автобусом? — *Тук, тук.*

— Да нет, на метро. — *Тук, тук.*

— А вы, Ларс, как обычно? Легко нашли место для парковки? Да, в этом квартале надо смотреть, куда ставишь машину. Охранники не дремлют. — *Тук, тук, тук.*

Теперь она слышала и другие звуки — еще несколько участников шаркали ногами по ковролину, останавливались в нерешительности, щурились на люминесцентные лампы; вот Рууд заметил их и подманил тем, на что клюют почти все:

— Вон там кофе и булочки.

Шуршат шаги, похрустывают пластиковые стаканчики, отделяемые друг от друга, шипит термос-помпа. Дышать стало легче, но она все равно пока не решалась распрямиться. Смотрела вниз, на керамические плитки пола. Взгляд тянулся по шву, бежево-серому от жира и грязи. Все здесь было липким, даже воздух. Тридцать лет вонючего кухонного чада, который оставлял в глотке соленый липкий привкус.

Разговоры за дверью зажурчали громче, рождая в большом помещении слабое эхо. *Автобус, метро, парковка? Приятный дождик. Хорошо для газонов. Изумительное лето, правда? Почти как на Средиземном море. Какие планы на выходные?*

Она пожалела. Пожалела, что не взяла предложенное ей выходное пособие и не свалила. Разумный человек поступил бы именно так. Сжег бы посты и начал все заново где-нибудь еще. Неважно где. Новый город, новый район страны. А может, вообще другая страна?

Еще не поздно.

Задняя дверь — прямо перед ней. Ключи в кармане. За дверью цементные ступеньки, несколько мусорных баков — и вот ты на улице. Чтобы сбежать, хватит нескольких минут. Но она подписала бумаги, убедила всех, что достойна второго шанса. Убедила себя саму, что этот ее шанс — последний.

В зале заговорили еще оживленнее. Термос продолжал шипеть. Звук становился громче по мере того, как содержимое убавлялось. Разговор начал ходить кругами.

Ну что же. На погоду и правда грех жаловаться, грех...

Она выпрямилась, покосилась на заднюю дверь. Закрыла глаза. Пальцы скользнули к правому предплечью, дернули белую ткань блузки, манжета полезла к локтю. Через минуту она могла бы оказаться на мокром от дождя асфальте. На свободе. Сбежать отсюда.

Дверь распахнулась. Рууд. Присел на корточки. Коснулся ее колена.

— Вероника, все нормально?

Его рука была теплой, с отчетливыми старческими пятнами. Сколько Рууду вообще лет? Скорее около семидесяти, чем шестьдесят. Он работал здесь два десятилетия, этот свидетель всех бед, каким только можно стать свидетелем. Вполне мог бы уйти на пенсию. И все же он продолжает работать. Почему? *Ради дармового кофе*, говорил старик, а потом смеялся, тем самым избавляя себя от дальнейших распросов. Умно. Надо и ей испробовать такую уловку.

Она подняла глаза на Рууда, выдавила улыбку. Опустила рукав до запястья. Рууд думает, что она

боится, и в каком-то смысле он прав. Она боялась. Но это не вся правда.

— Да, нормально. Просто пытаюсь собраться. У меня свои ритуалы. — Она похлопала по блокноту.

— Хорошо. — Рууд подал ей руку, помог подняться. — Сколько ты проработала в последний раз? Три месяца?

Они общались уже почти неделю, но Рууд делал вид, что все еще не знает деталей ее договора с профсоюзом. Словно не его обязанность следить, чтобы она соблюдала правила.

Она снова подыграла ему.

— Два месяца, две недели и четыре дня. Я не особо считала.

— Вот оно, значит, как. — Рууд улыбнулся. — Уверю тебя, это место не сильно отличается от твоих прежних работ.

Рууд повел ее в зал. Отпустил ее локоть, прежде чем участники успели обернуться.

Девять человек — немного меньше, чем она насчитала на пятничной встрече. Отведенные в сторону взгляды, кривые улыбки, короткие кивки-приветствия. Над людьми липкой пленкой растянулось ощущение безнадежности, оно скапливалось в углах, куда не доставал свет люминесцентных ламп, не пускало кислород в легкие...

Через силу улыбнувшись, она села на стул и раскрыла блокнот. Сердце ее билось где-то в глотке, отчего слегка мутило. Она ощущала взгляд Рууда, стоявшего у стены, но сама на него не смотрела. Старалась не думать, почему он здесь.

Глубокий вдох. Она почувствовала, как воздух проник в грудь. Легко достиг ледяной корки.

— Здравствуйте. Меня зовут Вероника Линд, я руководитель терапевтической группы, и наша цель — помочь вам пережить горе. До этого я четыре года работала в Общественном центре на севере, но с сегодняшнего дня буду работать с вами здесь, в Сёдере.

Ее удивило, какой уверенный у нее голос. Чужой, словно голос Вероники Линд — не ее... хотя в каком-то смысле так оно и было.

— Это группа поддержки для тех, кто потерял близкого человека, любимого человека.

Все взгляды были направлены на нее. Сердце билось о лед прямо под грудной клеткой. Она представила себе, как с каждым ударом лед понемногу подается. Удар, еще удар — и вот открываются трещины и через них устремляется наверх черная вода.

— Когда мне было четырнадцать лет, я потеряла мать. Однажды вечером она набила карманы зимнего пальто камнями и вышла на лед, на озеро.

Не колебаться. Не останавливаться, не опускать глаза. Еще вдох. По груди медленно распространился холод.

— На другом берегу стоял человек. Он сказал, что мама упорно шагала по льду, хотя было слышно, как он скрипит и потрескивает. Когда человек на берегу закричал, мама остановилась, она стояла прямо посреди озера и смотрела на того мужчину. А потом вдруг исчезла.

Вероника старательно прогнала эти мысли. Представила себе, как лед снова смыкается — и над мамой, и в ее груди. Превращается в панцирь.

Она откашлялась и осторожно взяла в руки блокнот. Никто не успел заметить, как у нее дрожат руки, — даже Рууд.

— Мама бросила нас. Бросила моего папу, старшего брата и меня, и нам пришлось справляться с этим. Я перестала злиться на нее лишь много лет спустя. Когда прекратила задавать вопросы, какие задаете себе вы.

Она пару раз сглотнула, чувствуя, как кровь наполняется чем-то более приятным, чем холодная озерная вода. Она справилась. Пожертвовала собой, и теперь пришла пора для долгожданной награды. Досчитав до десяти, она повернулась к участнице, сидевшей рядом с ней. К седой женщине с косой.

— Прошу вас.

Она кивнула женщине, услышала, как та переводит дух. Очередной рассказ — новый, но такой знакомый.

Дочь, рак, до тридцати не дожила.

Черкая в блокноте, она примеряла на себя эти, отечавшие ее чувствам, воспоминания. Ручка быстро обращала скорбь в чернила. Седая заплакала. Слезы катились беззвучно, рассказ разворачивался, слезы на миг скапливались у нижнего края очков, а потом катились дальше, по щекам женщины. Еще слова.

Несправедливо, у нее вся жизнь была впереди. Мне так ее не хватает.

Договорив, седая женщина сняла очки и вытерла их дешевым бумажным платочком. Медленно сложила его и сунула в сумочку, словно слезы сделаны из стекла и она хочет забрать их домой. Спрятать в шкаф, как чистые жемчужины печали.

Вероника задумалась, отвлеклась, и следующий человек уже успел начать свой рассказ. Ларс, мужчина с бородой. Слов меньше, голос жестче. Она стала торопливо записывать. Вытягивать ручкой и его историю.

Жена, авария, пьяный за рулем, травма мозга, не лечили как следует, так и не восстановилась.

Здесь без слез. Только злость. Горечь. Она отметила это в блокноте. Рука теперь легче двигалась по странице.

Ненависть, фантазии о мести, навредить. Око за око... Они должны понести наказание, все до одного. Пьяница за рулем, врачи — все!

Ларс замолчал, перевел дыхание. Поначалу, казалось, ему стало легче, потом он словно устыдился. Что-то неразборчиво пробормотал и уставился на свои кулаки. Грубые, мозолистые; трещины на коже такие глубокие, что грязь и масло не вымываются. Руки папы, руки дяди Харальда. Ее собственные руки были гладкими и мягкими. Длинные пальцы созданы для того, чтобы ловко держать ручку. Пишущие руки. Мамины руки. Она прогнала эти мысли и кивком попросила следующего участника начинать свой рассказ.

Слова текли по часовой стрелке, сопровождаемые всхлипами, слезами, шуршанием бумажных платочков. Ручка летала по бумаге все быстрее — совсем как пульс, который без усталости качивал дофамины в кровь.

Трагедия, наша семья так после нее и не оправилась. Так и не оправилась.

Минутная стрелка описывала круг на пожелтевшем циферблате стенных часов. Каждые пять минут

острие зависало на одном месте, а потом с громким щелчком высвободилось.

Отзвучали все истории. Внизу последней страницы она косыми буквами написала слово, которое повторяли все участники группы. Вопрос, висевший в воздухе. Они не смогли бы ответить на него, сколько бы ни рассказывали о своем горе.

Почему?

Вероника подчеркнула его и обводила буквы и вопросительный знак до тех пор, пока ручка не порвала бумагу. Она не останавливалась, пока минутная стрелка на часах не щелкнула в последний раз, показывая, что время вышло.

Огромное облегчение смешалось с эндорфинами в ее мозгу. Левая рука снова потянулась к правому предплечью, рассеянно царапнула ткань блузки и длинный шрам, скрытый под рукавом.

“Уже все? — подумала она. А потом: — Но мне этого мало, мало...”